

БУДУЩЕЕ РОССИИ ПОСЛЕ COVID-19

ВЛАДИМИР КОРОВКИН

Бизнес. Как это работает в России

Владимир Коровкин

Будущее России после Covid-19

«ЭКСМО»

2020

УДК 658
ББК 65.290-2

Коровкин В. В.

Будущее России после Covid-19 / В. В. Коровкин — «Эксмо»,
2020 — (Бизнес. Как это работает в России)

ISBN 978-5-04-113667-3

Пандемия COVID-19 поставила мир с ног на голову! Каждого волнует вопрос: что будет дальше? Эта книга поможет сформировать единую картину будущего для России и мира. Автор предлагает программу, которая позволит нашей стране достичь успеха в пост-пандемическом обществе. Читайте, и вы узнаете о: • победителях и проигравших в результате борьбы с коронавирусом; • новых вызовах и возможностях, открывшихся для России; • как обеспечить прочную позицию в экономике 2020-х. Владимир Коровкин — руководитель направления «Инновации и цифровые технологии» МШУ «Сколково». Обладает многолетним опытом в области стратегического планирования, цифровых технологий, бизнес-систем, управленческого и ИТ-консалтинга. Имеет опыт работы в международных компаниях Publicis, FCB, Bozell, Dentsu. Мир больше никогда не будет прежним — успеете раскрыть секреты будущего, чтобы быть успешным в настоящем! В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 658
ББК 65.290-2

ISBN 978-5-04-113667-3

© Коровкин В. В., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Введение как успеть за событиями?	6
Глава 1	9
На что это похоже?	9
Что изменится?	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Владимир Коровкин

Будущее России после Covid-19

Предсказывать тяжело, особенно будущее.
Нильс Бор

© Текст. Коровкин В., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Введение как успеть за событиями?

В момент, когда в начале апреля мне предложили написать книгу о мире после коронавируса, эта задача, как ни странно, показалась мне относительно простой. Кризисы и потрясения не создают новых тенденций, они лишь отбирают, ускоряют и усиливают некоторые из тех, что начали складываться задолго до них. Конечно, пандемия была совершенно новым событием, не похожим ни на какое иное в человеческой истории. Но ее эффекты – которые уже начали проявляться – были вполне логичны в контексте предыдущих лет социального, экономического и технологического развития.

Однако писать эту книгу оказалось гораздо сложнее и интереснее, чем я думал. За прошедшие несколько месяцев, с одной стороны, несколько уменьшилась зона неопределенности – в частности, стала вырисовываться вероятная кривая восстановления экономики. С другой стороны, пандемия – карантинные меры и связанная с ними приостановка экономики – оказалась прелюдией к другим масштабным событиям, таким как протесты Black Lives Matter¹ по обе стороны Атлантики. В какие-то моменты времени у меня возникало ощущение невозможности завершить работу: как только я начинал писать заключение, оказывалось, что середина книги требует заметных добавлений. Одновременно, впрочем, меня одолевало определенное чувство правоты: происходившие события не противоречили гипотетическим сценариям развития ситуации, а подтверждали их. В апреле мои представления о последствиях пандемии были чистыми спекуляциями, однако теперь некоторые из них получили фактическое подкрепление.

Была в то же время особая ценность в моменте висящей паузы полной неопределенности, разделяющей на «до» и «после». Она давала возможность переосмыслить и «пересобрать» наши представления о мире и сконструировать будущее: мысленно выбросить из него все, от чего пришла пора избавиться, и добавить или зафиксировать то, что мы считаем ценным и важным. Конечно, совершая эту операцию, мы не делали будущее немедленно прекрасным. Возможно, никакое реальное будущее не будет прекрасным в достаточной степени – тут бессильны любые упражнения. Созданный образ тем не менее может помочь нам переоценить и сфокусировать усилия: личные, семейные, корпоративные и т. д. В результате мы окажемся более успешными в грядущем мире, каким бы он ни оказался.

Этим и отличаются кризисы: они навсегда меняют представление о том, что «правильно» или «нормально». Один мой коллега, человек довольно консервативных взглядов, читал по утрам в Интернете новости, приговаривая вслух «мир сошел с ума». Мир никогда не сходит с ума. Он не обязан быть простым, понятным и последовательным. Он не относится трепетно к традициям, выстраданному опыту и с трудом полученным знаниям. По непонятной причине мир постоянно стремится меняться, упорно избегая дословных повторений. Эти изменения происходят всегда, но в определенные моменты они становятся особенно острыми и очевидными – возможно, потому, что мы сами оказываемся более восприимчивыми к ним.

Эта восприимчивость болезненна. Человеческая психология противостоит изменениям, и в этом есть определенный парадокс. Знаменитая кривая реакции на изменения начинается с отрицания, затем следуют сопротивление и гнев². Лишь после этого, через торг мы можем начать приспособливаться к изменениям, открывая в них для себя новые возможности (см. диагр. 1).

Весной 2020 г. мы прошли стадии отрицания, сопротивления и гнева по отношению к изменениям, которые несет в мир нынешняя пандемия. Мы были уверены, что мир изменится,

¹ В пер. с *англ.* «Жизни чернокожих важны» (*Прим. ред.*).

² В книге «От носорога к единорогу» мы с В. Орловским показали, как по этой кривой проходят крупные корпорации.

хотя и не знали как – однако были готовы начать с ним торговаться: если ты изменишься так, то я сделаю это. Это очень полезная стадия рассмотрения собственных возможностей (и невозможностей), выявления сильных и слабых сторон, понимания того, какую работу над собой стоило бы проделать, какие навыки приобрести, а от чего найти силы отказаться. В результате этой работы мы оказывались лучше подготовлены к любым сценариям развития будущего.

Диаграмма 1. Кривая реакции на изменения

Сейчас же, когда пандемия в России идет на убыль и большинство ограничений снято, есть большой соблазн отнести к весне 2020 г. как к прожитому и прошедшему эпизоду, не создающему значимых последствий. «Еще пара недель или месяцев – и все станет как было, какие фундаментальные сдвиги?» Прошлые – даже если оно нас не полностью устраивало – манит своей понятностью. В милом советском фильме-боевике «Не бойся, я с тобой»³ была песенка «Я хочу, чтобы по-новому продолжалось все по-старому» – это желание глубоко укоренено в человеческой психологии. Возврат в стадию отрицания, однако, – непозволительная ошибка. Пандемия действительно оформила многие важные изменения. То, что мир конца лета 2020-го с виду кажется очень похожим на мир марта того же года, – иллюзия. Не все сдвиги мироустройства проявят себя сразу, но для того, чтобы быть к ним готовым – надо продолжать стадию торга: что мы сделаем или не сделаем, если... Предлагаемая читателю книга посвящена рассмотрению данного поля возможностей.

В книге три части. В первой мы попробуем сформулировать ответы на вопросы о том, насколько серьезным окажется нынешнее потрясение для мира в целом, кто и за счет чего выиграет и проиграет в постпандемическом мире. Во второй части мы проведем своего рода инвентаризацию: с каким экономическим багажом мы, россияне, подошли к моменту эпидемии, какая была стратегия в «прошлом» мире. Наконец, в третьей части мы примерим прогнозируемые мировые сдвиги к российским реалиям: какие возможности открываются перед нами, какие вызовы грозят, что и как мы можем сделать для обеспечения прочной позиции в мировой экономике 2020-х годов и в более отдаленном будущем.

³ «Не бойся, я с тобой» – советский приключенческий музыкальный фильм 1981 г., режиссер – Ю. Гусман.

Эта книга написана не с позиции бесстрастного исследователя, это не экономический трактат, автору которого одинаково интересен любой исход событий. Как гражданин своей страны я хочу ей блестящего будущего, но чтобы это желание сбылось, оно должно учитывать сложившуюся ситуацию – как внутреннюю, так и внешнюю. Приобретенные мною за почти 30 лет работы в бизнесе навыки разработки корпоративных стратегий позволяют объективно оценить существующие возможности и предложить действия, ведущие к максимальному достижимому результату при имеющихся ресурсах и ограничениях. Этот результат подразумевает усилие: блестящее будущее не приходит само по себе. Исторические примеры, к которым мы будем обращаться, показывают, что всегда существует потенциал действий вопреки очевидности и благодаря концентрации воли. «Цель – это мечта, принятая всерьез»⁴.

Замечание о том, как читать эту книгу

Любой обоснованный прогноз должен опираться на проверенные модели и смысловые конструкции. Задача предложить сценарий развития сразу по нескольким измерениям – экономическому, политическому, человеческому – потребовала переосмысления большого объема информации. Предложенные идеи опираются на определенную интерпретацию важных понятий, таких как «институты», «ценности», «идеология» и т. д. Чтобы читатель мог быть на одной волне с предложенными логическими цепочками, мне показалось правильным дать относительно развернутое описание моей интерпретации этих понятий, оформленное в виде отдельных вставок, в результате чего книга стала немного напоминать вузовский учебник. Можно ускорить чтение, пропуская эти вставки – если используемые термины не вызывают у вас вопросов.

Я благодарен за возможность создания книги Оксане Усольцевой из издательства БОМБОРА. Огромную помощь оказали неформальные обсуждения с коллегами из Московской школы управления СКОЛКОВО и конференции, проводимые Школой на платформе «Антихрупкость 2.0», а также работа неформального think tank⁵ «Новые возможности», инициированного Р. Варданяном. Наконец, я хочу поблагодарить Алексея Калинина, взявшего на себя труд оперативно прочесть рукопись и дать ценнейшие замечания и предложения по ней. Разумеется, все предложенные гипотезы и выводы остаются полностью на совести автора.

⁴ Hopkins W. P. A Goal is a Dream Taken Seriously: Trainer Guide. 1986. URL: <http://www.walthopkins.com/en/coaching-and-courses/a-goal-is-a-dream-taken-seriously>

⁵ В пер. с *англ.* – мозговой центр, фабрика мысли (*Прим. ред.*).

Глава 1

Что изменит пандемия в мире?

На что это похоже?

В момент, когда я пишу эти строки⁶, в мире более 10 миллионов заразившихся коронавирусом и более 500 тысяч умерших от вызванных им осложнений. Россия вышла на пик заболеваемости позже многих стран, но в какой-то момент оказалась на втором месте в мире по числу заразившихся, уступив затем Бразилии и Индии. К счастью, российской особенностью протекания заболевания оказалась относительно невысокая смертность.

К моменту, когда эта книга попадет в руки читателю, приведенные цифры устареют. Может быть, эпидемия будет уже побеждена. Может быть, не дай бог, начнется ее вторая волна. В этом отношении статистика заболеваемости в США в конце июня внушала серьезную тревогу⁷. О возможном медицинском развитии событий спорят признанные специалисты, но ситуация меняется столь быстро, что нет смысла приводить здесь текущие прогнозы.

Среди медиков также нет единства относительно того, насколько необычным событием является нынешняя пандемия. Безусловно, в истории человечества бывали куда более страшные вспышки инфекций. Даже в XX в. «испанка», вариант гриппа, унесла миллионы жизней. С другой стороны, никогда в истории человечества не предпринимались столь масштабные и скоординированные санитарные меры: большая часть земного шара находилась в строгом карантине. Однако многим кажется, что масштаб и строгость этих мер не соответствуют потенциальной медицинской опасности пандемии, и это несоответствие породило многочисленные теории заговора.

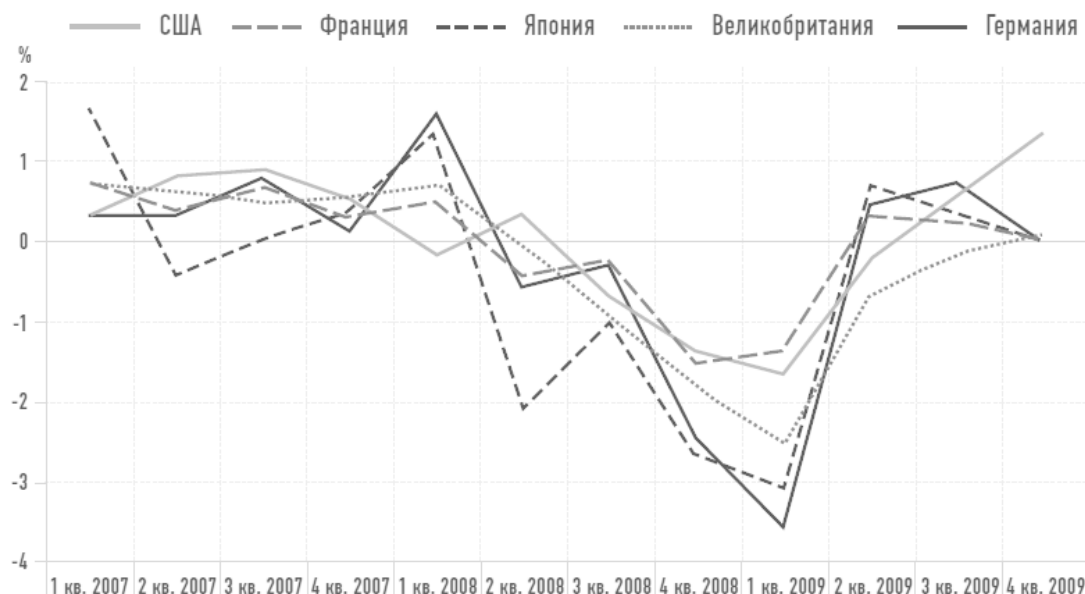
В отличие от медиков, экономисты единодушны в том, что в истории человечества еще не происходило сопоставимого с этим события. Весной 2020 г. почти вся мировая экономика сознательно перешла в режим депрессии, глубину и продолжительность которой пока что сложно просчитать. Как минимум в одном квартале 2020 г. падение ВВП достигнет значений, сопоставимых с главными экономическими катаклизмами последних 100 лет – Великой депрессией и финансовым кризисом 2008 г. При этом падение происходило почти одновременно во всем мире в отличие от любых «органических» кризисных явлений в экономике, которые распространяются в глобальном масштабе с задержками, различными для разных стран (см. диагр. 2).

С экономической точки зрения нынешняя пандемия больше всего напоминает военное время. Войны начинаются, как правило, в момент относительного экономического благополучия (в противном случае сложно рассчитывать на выигрыш), их экономические последствия наступают одновременно для всех воюющих стран и имеют сопоставимую глубину. Военные конфликты, как правило, ведут к консолидации общества и росту популярности политических лидеров. Ключевое отличие: начало войны часто приводит к резкому росту ВВП в силу возрастающих государственных расходов.

⁶ Июль 2020 г.

⁷ Trump Surrendered America to Coronavirus – and Americans are Paying the Price. URL: <https://eand.co/trump-surrendered-america-to-coronavirus-and-americans-are-paying-the-price-57157b3324df>

**Диаграмма 2. Динамика кризиса 2007–2008 гг.
в ведущих капиталистических экономиках**

Падение ВВП в США началось раньше, чем в Европе, динамика экономических процессов «синхронизировалась» лишь примерно через год после начала кризиса (в первом квартале 2009 г.).

Источник “Global economic crisis: GDP growth”, in Measuring Globalisation: OECD Economic Globalisation Indicators. Paris: OECD Publishing, 2010.

Пандемия сделала политических лидеров популярными

Один из факторов, роднящих пандемический кризис с войной, – это рост популярности руководителей большинства стран. Так, рейтинг одобрения Ангелы Меркель (Германия) был в конце марта на 22 % выше, чем в начале, у Эммануэля Макрона (Франция) рост составил 25 %, у Джастина Трюдо (Канада) – 28 %, у Бориса Джонсона (Великобритания) – 33 %, а у премьер-министра Австралии Скотта Морриса – и вовсе 38 %. Рост наблюдался как у лидеров с относительно низким рейтингом (Макрон и Моррис имели в начале марта одобрение на уровне 28 % и 34 % соответственно), так и с высоким (Трюдо – 42 % до эпидемии, Джонсон – 46 %). Среди крупных демократических стран исключением стали лишь Япония и Бразилия, где рейтинги Абэ Синдзо и Жаира Болсонару незначительно снизились (близко к статистической погрешности). Слабым был рост рейтинга Дональда Трампа (4 %, также около статистической погрешности), однако был отмечен значительный рост популярности многих губернаторов штатов, например, у

Роя Купера (Северная Каролина) и Фила Мерфи (Нью Джерси)⁸ рост составил более 50 %.

Было отмечено, что динамика рейтинга практически не связана с эффективностью противоэпидемических мер в конкретной стране, скорее – с риторической успешностью того или иного лидера. В целом можно сказать, что во многих странах правительства получили существенный кредит доверия, позволяющий им проводить достаточно смелую политику после выхода из кризиса. Дальнейшая динамика рейтингов будет определяться эффективностью экономических мер.

Единственным прямым аналогом пандемии COVID-19 в недавней экономической истории является эпидемия вируса Эбола в странах Западной Африки в 2014 г.⁹ Ее географический масштаб был значительно меньше, а карантинные мероприятия – не столь всеобъемлющи. Затронутые страны относились к беднейшим экономикам мира, и по этой причине был существенен эффект международной помощи. Однако какие-то аналогии мы все же можем извлечь.

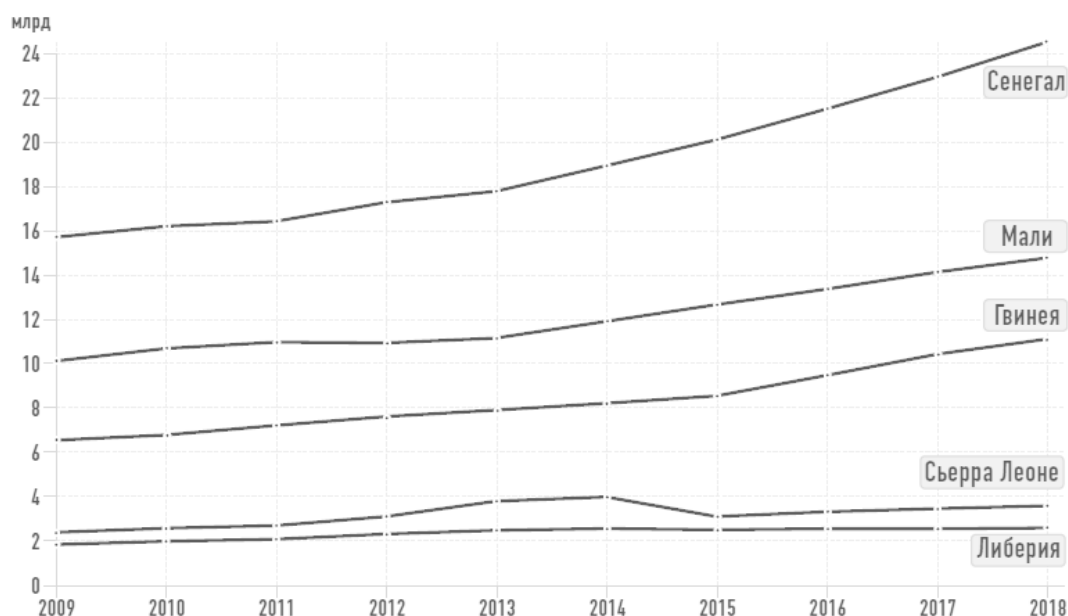
Заболеваемость была массовой (десятки тысяч случаев) в трех странах с очень хрупкой экономикой – Гвинее, Сьерра-Леоне и Либерии. Последние две незадолго до эпидемии вышли из периода затяжных разрушительных гражданских войн. Гвинея в 2010 г. перешла к демократии после первых в истории свободных президентских выборов. В разгар эпидемии в конце 2014 г. международные наблюдатели были согласны друг с другом в том, что экономике этих трех стран (а также соседних Сенегала, Мали и Нигерии, где были единичные случаи заболеваний) будет нанесен ущерб, который удастся восполнить не ранее 2017 г.¹⁰

Диаграмма 3. Динамика ВВП (в постоянных долларах 2010 г.) стран Западной Африки, затронутых эпидемией вируса Эбола в 2014 г.

⁸ Approval Rises for World Leaders Amid Pandemic // Morning Consult. URL: <https://morningconsult.com/form/approval-rises-for-world-leaders-amid-pandemic/>; Many world leaders have seen double-digit polling surges amid coronavirus. Trump isn't one of them // Vox. URL: <https://www.vox.com/2020/4/30/21231217/trump-cuomo-whitmer-coronavirus-covid-19-approval-rating-polls-world-leaders-governors>

⁹ Аналогии с эпидемией СПИДа в Африке, принявшей угрожающий масштаб в 1990-х гг. не подходят в силу различного течения заболеваний: карантинные меры никогда не применялись против СПИДа.

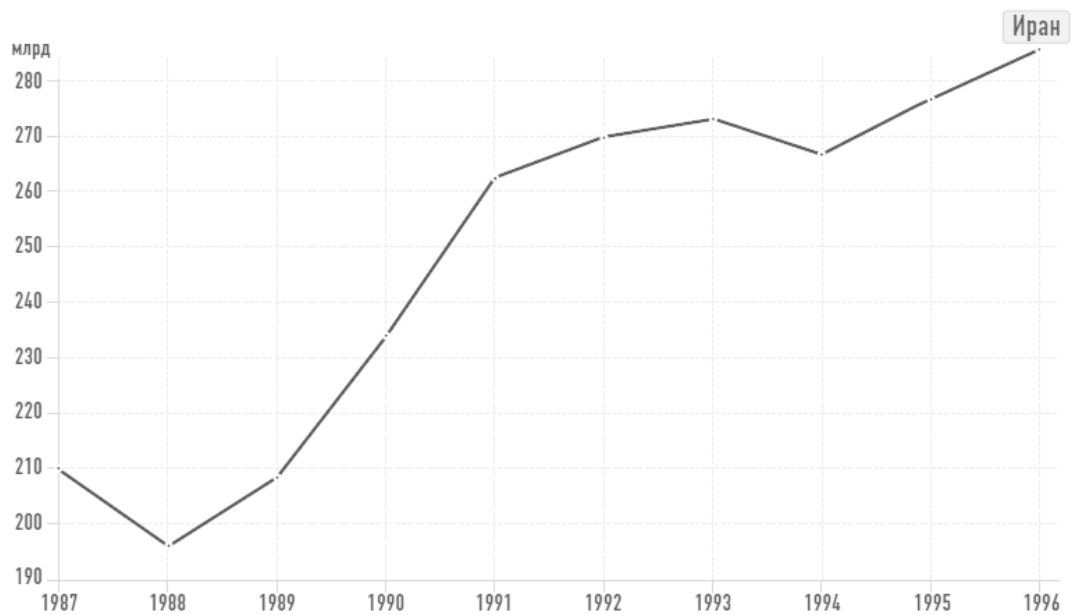
¹⁰ World Bank (2015) 2014–2015 West Africa Ebola Crisis: Impact Update. URL: <https://www.worldbank.org/en/topic/macroeconomics/publication/2014-2015-west-africa-ebola-crisis-impact-update>

Источник <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD?end=2018&locations=GN-LR-SL-SN-ML&start=2009>

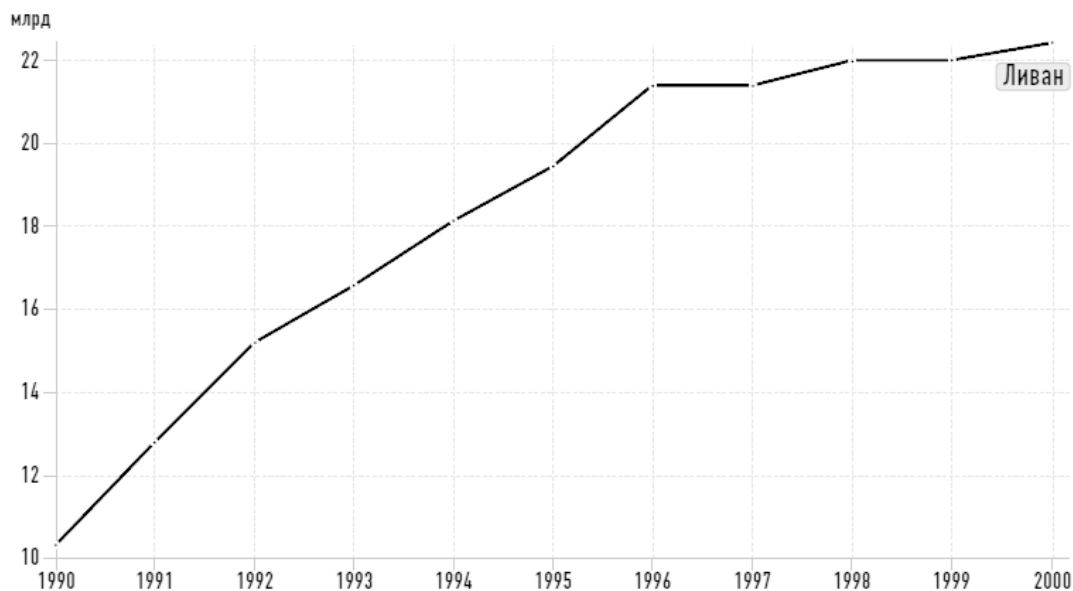
Однако экономические последствия эпидемии для стран региона оказались очень разными. Сьерра-Леоне действительно испытала падение ВВП в 2015 г. почти на 25 % (в постоянных ценах) и замедление темпов роста, которое до сих пор не удалось преодолеть. В Либерии не произошло столь существенного падения, но началась длительная стагнация: средние годовые темпы роста в 2015–2018 гг. составили около 0,5 % (до эпидемии – выше 5 %). Однако экономика Гвинеи отреагировала кардинально иным образом – и без того вполне приличные темпы ее развития резко ускорились: в период 2010–2014 гг. они составляли около 3,8 %, а в 2015–2018 гг. взлетели до 6,7 %. Похожее ускорение наблюдалось и в соседних Мали (с 2,3 % до 4 %) и Сенегале (с 3,1 % до 5 %) (см. диагр. 3).

Диаграмма 4. Динамика экономики Ирана после окончания Ирано-иракской войны (1980–1988)

Источник <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GNP.МКТР.KD?end=1996&locations=IR-IQ&start=1987>

Диаграмма 5. Динамика экономики Ливана после окончания гражданской войны (1975–1990)

Источник <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GNP.МКТР.KD?end=2000&locations=LB&start=1990>

Быстрый рост экономики часто происходил в послевоенные периоды, включая восстановление стран после гражданских войн. Такой была динамика в Иране в конце 1980-х гг.¹¹ (см. диагр. 4); (экономика его противника, Ирака, также начала расти, но кувейтская авантюра Хуссейна в 1990 г. остановила этот рост) или в Ливане в 1990-х гг. (см. диагр. 5). Это явление легко объяснить: национальный энтузиазм приводит к резкому росту потребления, возможность планировать будущее ведет к росту инвестиций, восстанавливаются возможности экспорта, из армии возвращаются квалифицированные специалисты и предприниматели. Впрочем, не все известные в недавней экономической истории войны заканчивались таким образом, порой экономика реагировала весьма слабым ростом.

Выход из карантина в некоторых странах Европы также оформился в риторике военной победы. Президент Франции Э. Макрон, заявивший в начале жестких карантинных мер, что страна находится в состоянии войны, прямо сравнил их окончание с концом оккупации времен Второй мировой войны. В европейских странах ослабление карантина было встречено уличным ликованием. Ключевой вопрос теперь: позволит ли эта волна энтузиазма быстро восстановить потери, нанесенные экономике?

Конкуренция карантин

Глобальность пандемии проявляется не только в географии распространения заболевания, но и во внимании СМИ к мировой динамике заболеваемости и карантинным мерам, принимаемым в других странах. В то время как почти вся Европа приняла примерно одинаковый комплекс жестких мер по ограничению социальной жизни, две страны континента – Швеция и Беларусь – отличаются необычно мягким карантинным режимом. Политические основания для такого решения почти диаметрально противоположны: в первом случае это традиционный либерализм, полагающийся на силу общественного действия, во втором – авторитарное решение, вполне соответствующее общей риторике президента Лукашенко, неустанно подчеркивающей «особость» и исключительность данной страны. В Беларуси был даже проведен традиционный массовый апрельский субботник, в котором участвовало около 2 миллионов человек.

«Диссидентство» двух стран горячо приветствуется сторонниками различных теорий заговора. Однако динамика заболеваемости в обоих случаях заметно отличалась от соседей, принимавших жесткие карантинные меры. По состоянию на 3 мая в Беларуси было 1600 заболевших и 10 умерших на миллион человек, существенно больше, чем в соседних России (923 и 9), Литве (518 и 17), Польше (353 и 18) и Украине (272 и 7). В Швеции было 2100 заболевших и 264 умерших, больше, чем в Дании (1624 и 82), Норвегии (1140 и 39) и Финляндии (934 и 40). Сторонники мягкого режима указывают на то, что цифры Швеции и Беларуси все же ниже, чем во многих странах с жестким карантинном: Франции (2580 и 379), Великобритании (2685 и 414), Италии (3462 и 475) или Испании (5252 и 537)¹². Провести полноценное статистическое сравнение и оценить правильность решения о мягком карантине можно будет лишь после завершения эпидемии. Важным компонентом анализа будет динамика экономики во время и после эпидемии.

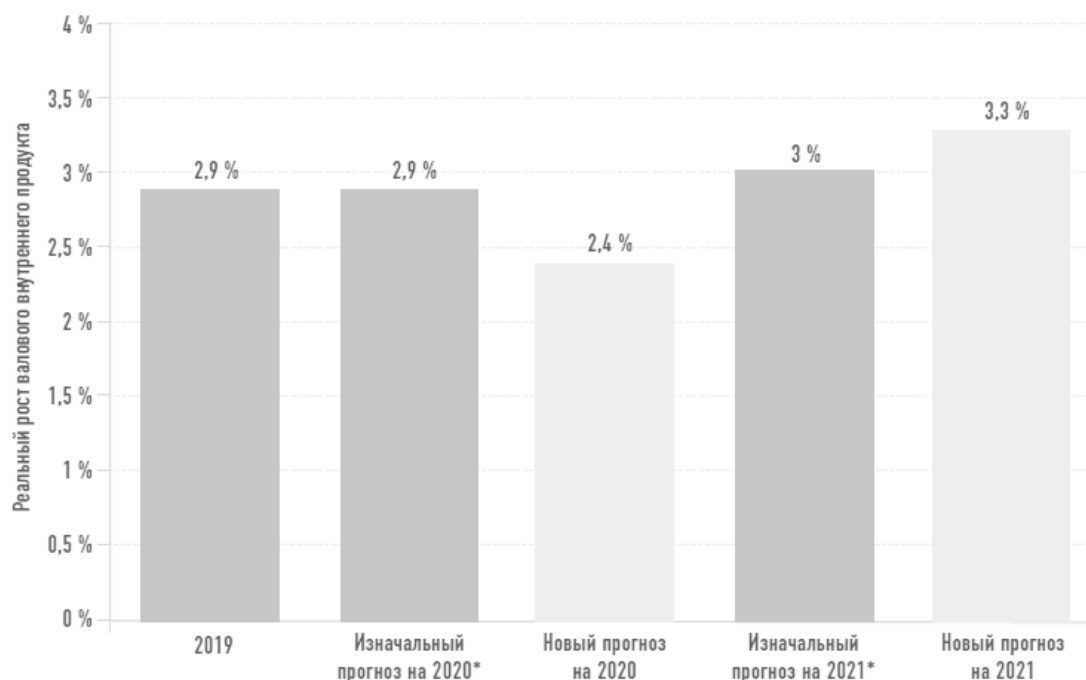
¹¹ Последней полномасштабной и длительной войной между примерно равными по силе сторонами была Ирано-иракская война 1980–1988 гг., которая унесла около миллиона жизней с обеих сторон.

¹² World Health Organization. 2020. URL: <https://www.worldometers.info/coronavirus>

Однако власти Швеции в начале июня признали свою тактику борьбы с пандемией ошибочной¹³. Разумеется, подобного признания трудно ожидать от властей Беларуси.

Урок, который мы можем вынести из ограниченного количества исторических аналогий: пост-пандемическое экономическое будущее не «задано» жестким образом, оно будет определяться действиями правительств, общества, корпораций и предпринимателей; маятник может качнуться как в одну, так и в другую сторону. Сейчас разброс оценок сценариев развития экономической ситуации весьма велик¹⁴. Оптимистический сценарий предполагает сокращение мирового экономического роста в 2020 г. на 0,5 процентных пункта (с 2,9 % до 2,4 %), компенсированные ускорением в 2021 г. (см. диагр. 6). Пессимистические оценки предполагают существенное падение глобального ВВП в 2020 г. – до -2,8 %¹⁵, с последующим переходом в новую «Великую депрессию»¹⁶.

**Диаграмма 6. Оптимистический сценарий
воздействия пандемии на глобальную экономику.**

¹³ Coronavirus: Hard-hit Sweden admits it could have battled COVID-19 better. URL: <https://www.euronews.com/2020/06/03/coronavirus-hard-hit-sweden-admits-it-could-have-battled-covid-19-better>

¹⁴ Консалтинговая компания McKinsey в середине апреля 2020 г. опросила более 2000 топ-менеджеров из разных стран, предложив на выбор 9 возможных сценариев развития ситуации. См.: The coronavirus effect on global economic sentiment. URL: <https://www.mckinsey.com/business-functions/strategy-and-corporate-finance/our-insights/the-coronavirus-effect-on-global-economic-sentiment?cid=other-eml-alt-mbl-mck&hlkid=f16c3f8254624e62a462ecca62d5e6e9&hctky=9239014&hdpid=29c98579-398f-4a96-b397-0dde8b68452e>

¹⁵ World Economic Prospects April // Oxford Economics, 2020. URL: <https://resources.oxfordeconomics.com/hubfs/WEP/WEP%20April%202020%20pdf.pdf>

¹⁶ Nouriel Rubini “The Coming Greater Depression of the 2020s”. 2020. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/greater-depression-covid19-headwinds-by-nouriel-roubini-2020-04>

Прогнозируемый мировой реальный рост валового внутреннего продукта (ВВП) вследствие пандемии коронавируса в 2019–2021 гг.

Источник <https://www.statista.com/statistics/1102889/covid-19-forecasted-global-real-gdp-growth/>

Второй сценарий, впрочем, представляется маловероятным. Мировая экономика в целом встретила пандемию в неплохой форме, ведущие страны имели за плечами успешный опыт стимулирования экономики, вынесенный из кризиса 2007–2008 гг., и ресурсы для его реализации. Вероятно, в первые месяцы после пандемии мы увидим целый спектр вариантов выхода из депрессии, возникнет своего рода конкуренция идеологий преодоления экономического кризиса, подобно тому, как мы наблюдаем сейчас «конкуренцию» карантинных режимов.

Что изменится?

Какой бы ни была скорость экономического восстановления, оно в любом случае будет происходить в изменившемся мире. Кризисы сами по себе обычно не создают новых тенденций – у них на это просто нет времени – однако выводят на передний план давно намечавшиеся подвижки в социально-экономическом устройстве. В результате общество оказывается на новом уровне развития.

С экономической точки зрения каждый кризис приводил к новому «контракту» между обществом и государством в демократических странах. Так, Великая депрессия узаконила участие государства в капиталистической экономике на основе идей Дж. М. Кейнса о необходимости «накачки спроса» для выхода из ловушки падающего производства при низком потреблении и системной безработицы. После десятилетия стагфляции (общего экономического застоя при высоком росте цен) 1970-х гг. экономика «рейганизма» сделала нормой высокие уровни государственного долга, поддерживающего промышленный рост через оборонные расходы. Экономический кризис 2007–2008 гг. привнес политику «количественного смягчения», результатом которой стало кратное увеличение денежной массы – как ни странно, не сопровождавшееся инфляцией.

Каждый из кризисов также означал «пересборку» международных отношений. С конца XIX в. волны глобализации (нынешний глобальный мир во многом стал результатом «рейганомики») сменялись периодами выстраивания защитных барьеров вокруг национальных экономик, таких как решение США отказаться от свободного обмена долларов на золото в 1934 г. или замедление глобальной интеграции в 2010-х гг.

Наконец, кризисы ведут к масштабным изменениям на уровне микроэкономики, ускоряя рост отдельных индустрий и компаний и принятие новых технологических платформ. В результате Великой депрессии сформировались современные западные корпорации, «поднялись» производители массовых дешевых потребительских товаров (FMCG, Fast Moving Consumer Goods) и сетевые продовольственные магазины. Выход из стагфляции 1970-х гг. поставил финансовый сектор во главе экономики вместо производства и запустил постиндустриальную эпоху. Кризис 2007–2008 гг. совпал с началом эпохи «единорогов» – стремительно растущих цифровых компаний, вроде Google, Facebook, Amazon, Netflix.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.